

Мне был всего годик, когда началась Великая Отечественная война. Но я до сих пор отчётливо помню отдельные дни, некоторые моменты поведения взрослых.

Первым таким воспоминанием была карта нашей страны, висевшая на стене за печными изразцами. Карта огромная, цветная, с протянувшими по ней нитками и флажками, нанизанными на эти нитки. Красные флажки отмечали передвижение наших войск. И каждый раз, когда включался репродуктор (его чёрная тарелка висела между двумя окнами), дедушка подходил к карте и передвигал флажки. Он останавливал их там, где, по его догадкам, сражались сыновья.

Три сына и зять, а позже ушла на фронт его единственная дочь, моя мама. Окончив ускоренные курсы медсестёр-сандружинниц,

Шимочка

поработав в военном госпитале, она, не сказав ничего родным, уехала с санитарным эшелоном. «Я должна быть рядом с Костей», — вот и вся маленькая записочка.

Так я осталась в семье Соколовых, дедушки и бабушки. Жили мы на улице Рыбаковской, 14. Вот эту улицу я и помню больше всего — её и её обитателей. А ещё вокзал, который в годы войны был центром самых ярких событий и куда так тянуло детвору с прилегающих улиц.

Вскоре в нашем доме появились две скромные женщины, которых бабуля назвала «беженки». И ещё в обиходе появилось слово «эвакуированные», это те, кто успел уехать, прежде чем их города были заняты немцами. Бабуля объяснила мне, что две тётки из Риги будут жить в нашей маленькой спальне, потому что нас и соседей «уплотнили». Так город Чкалов принял первых пострадавших от войны. На улице встречались новые лица, прибавилось детей. Летними днями мы не закрывали входной двери, и порой к нам забредали «новенькие». Дед, Николай Степанович, был большой любитель поговорить, а приезжие не чурались общения, осваиваясь на новом месте. Разговоры были тихими и прерывались слезами...

Я чувствовала, что в моём мирке стало тревожно, страшно, и всё это выливалось в одно слово — Война.

Самой пугающей меня фигурой на нашей улице была женщина неопределённого возраста. Называла она себя Шимочкой (у неё совсем не было зубов, наверное, её звали раньше Симочкой). Я так боялась эту несчастную, что даже во сне видела, как в дверь «заползает» чёрная когтистая рука, похожая на звериную лапу. Добавьте к этому серые от пыли лохмотья, сквозь дыры которых просвечивает грязная кожа, обтянувшая живой скелет, седые, забитые песком волосы, очень светлые, безумные глаза. Позже, из разговоров взрослых, я узнала, что она из Ленинграда (про блокаду этого города я уже слышала), в пути эшелон разбомбили немцы и погибли двое её маленьких детей. Она потеряла разум, с утра до ночи бегала по городу. Сворачивала тряпки и «баюкала» их, что-то напевая.

Две большие картонки она скрепила верёвкой и носила эту «нотную папку» через плечо. Раскрывала её, прислоняла к дереву и начинала дирижировать.

Когда после войны её отыскал муж, улица узнала, что наша Шимочка до войны была пианисткой. Взрослые жалели бродяжку, зазывали ночевать (место она выбирала сама, где-нибудь в уголке), старались чем-то покормить. Моя бабуля с трудом уговорила её помыть голову. Я помню, как «настаивали щёлок», заливая водой сторевающие

деревянные чурочки: мыла-то не было. Этой водой и мылись. Когда я в первый раз увидела чистое лицо Шимочки, я удивилась, что «баба Яга» из моих снов совсем молодая. Летом она засыпала в каком-нибудь скверике, часто её видели в Зауральной роще. Её никто не обижал, даже озорные мальчишки тихо обходили её, зная, что взрослые, если что, устроят им трёпку.

Первая утрата

Два часа дня. Лето, нестерпимый зной, ребятня ищет тень, собирается кучкой, стараясь помельтешить перед взрослыми. В два часа хозяйки открывают двери домов, молча стоят, опи-

Моя мама и её братья, мои дяди: Павлик, Толя и Коля Соколовы.

раясь на косяки. Соседи даже не переговариваются. Из дверей почты, что на углу Советской и Рыбаковской (маленький такой зелёный домик), выходит «почтальонка». Кажется, её звали Верой, у неё было доброе лицо и тяжёлая чёрная сумка через плечо. С солдатскими письмами. Как тогда ждали эти треугольнички с фронта! Сначала их читали бегло, в одиночку. Потом медленнее, останавливаясь на подробностях, потом всем родным, передавая многочисленные приветы соседям во дворе, потом перечитывали каждый вечер... до следующей весточки.

Но вернёмся к густой тишине летнего дня. Если вдруг эту напряжённую тишину разрывал высокий женский крик — значит, в чей-то двор ворвалось горе: пришла «похоронка», и туда устремлялись на помощь...

В наш дом смерть пришла в январе 1942 года. Не стало моей мамы — Татьяны Николаевны Соколовой. Ей не исполнилось и 20 лет, я совсем не помню её...

Первый жизненный урок

А сейчас у меня в руках справка от Ленинского реввоенкомата за № 4-336, где указано, что Соколов Анатолий Николаевич (старший сын) умер от ран 22 мая 1942 года. «Похоронен в г. Белёв, железнодорожный мост, на левом берегу Оки, от левой береговой опоры моста 200 метров».

А уже после войны бабушка получила фотографию скромного памятника с фамилией Анатолия.

Когда пришла эта похоронка, моя бабуля не рыдала, не кричала, как другие... Она замолчала. Пришли соседи, родственники, рыдал дед, она молчала и гладила пальцами фото маленького Толи. И это молчание, казалось, наполнило дом ужасом и безнадёжностью. Наверное, в одиночку она давала волю слезам, но позже. Я слышу её голос: «Никогда не давай волю слезам на людях: тебе не станет легче, а всем будет хуже». Первый серьёзный жизненный урок. Я стараюсь...

Под охраной Цезаря

Мне 3 года. Я дома одна, на террасе, выходящей во двор. Деды пораньше отправлялись на огород, вернутся поздно вечером. В такие дни меня перепоручают заботам соседских мальчишек — Толи и Коли Емелиных. И ещё рядом самый лучший друг — немецкая овчарка Цезарь. У меня есть две картофелины и кусочек хлеба. Мы по-братски делим завтрак-обед. Мальчишки заглядывают, всё ли у нас в порядке. Но им хочется на Урал, купаться. Меня сажают на раму велосипеда, и вся компания отправляется в Зауральную рощу на дальний пляж. Цезарь с нами. Самое трудное для меня

— пересечь раскалённую гальку на центральной площади, ноги-то босые.

Зато потом... Вода, песок, кувыркайся, сколько хочешь. У мальчишек свои игры, я «чупахаюсь» на мелководье. Бдительный Цезарь не пускает далеко от берега. Вернуться нужно засветло. А то мальчишкам влетит. И на время отступает война, и так ласково шелестит листва. Детство...

Недействительная похоронка

Вечером с улицы зовут всех домой, ребятам так не хочется:

— Мама, можно ещё чуть-чуть?!

Плетусь домой. Бабуля что-то строчит на старом «Зингере».

— У всех мамы, а у меня почему-то нет. Можно, я буду звать тебя мамой?

— Конечно, дочка!

Так и до самого конца я была её дочкой. Мама прожила почти до 96 лет, мы всегда жили вместе, бабулей её звал мой сын, которому она так много дала любви и заботы.

Провожаем на фронт моего дядю, моего любимого Павлика. Перрон вокзала переполнен людьми. Эшелон уже подан на первый путь. Я сижу у Павлика на руках, по радио звучит марш «Прощание славянки», мама прижалась к сыну. Меня передают деду, когда раздаётся крик:

Моя «бабушка-мама» вместе с моим дедом.

«По вагонам!» Павел обнимает Людмилу (свою подругу с первого класса и, как оказалось, на всю жизнь). Но эшелон задерживают ещё на полчаса... Павел смеётся, подкидывает меня вверх и обещает: «Я вернусь!»

Через год пришла похоронка. Но — он вернулся летом 45-го, мой дядя Павел Николаевич Соколов. Бывало и такое, к счастью. И после войны у него родятся два сына-близнеца. Так у меня появятся два брата — Саша и Виталий. Но это потом, в 1949 году.

Маленькие блокадники

А в конце 1942-го — начале 1943 года за углом моего дома

на Среднем переулке, где сейчас размещается Православная гимназия, появились люди в белых халатах, и всезнающие мальчишки объявили остальным, что там будет детский дом. Я пока ничего не понимала, но услышала от деда: «Не будешь слушаться — отдадим в детдом».

К дому подъезжали подводы и кого-то на носилках вносили внутрь. Летом 43-го я сама с девчонками отправилась посмотреть на новых жильцов. Мои подружки постарше рассказывали, что они — из блокадного Ленинграда. Эшелоны оттуда приходят на вокзал под утро, и меня стали брать иногда вместе со всеми встречать эти эшелоны: «Уже не малая».

В войну дети выросли быстро.

Помню одно такое утро. Пришёл санитарный поезд, лошадок с подводами пустили на перрон, к вагонам. На подводах лежало мягкое сено, накрытое плотной тканью, а может, брезентом. Вот на такую «перинку» с носилок перекладывали детей. Это были живые скелетики, а в глазах — мука и страх перед неизвестностью.

Мы пробирались к подводам: «Не бойтесь, у нас хорошо...»

Я пугалась под ногами у взрослых, и когда первая лошадь тронулась, кто-то подсадил меня на повозку. Я старалась занять как можно меньше места, чтобы не потревожить лежащего. Не все выживали.

Это было такое горе, ведь мы успевали подружиться с «детдомовскими», слушали их рассказы о волшебном городе Ленинграде, ждали... И вдруг — наш дружок исчезал, и нам говорили «его (или её) больше нет». Там избегали слова «умер». В такие дни наши голоса были особенно тихими...

Но снова и снова и они, и мы ждали родных и верили, что те вернутся. А потерявшихся отыщут.

Чёрная тарелка, чёрный хлеб

Чёрная тарелка репродуктора. Сегодня бы сказали — «окно в мир». Раздавались позывные, звучал удивительный голос: «Говорит Москва! Передаём последние известия...» И все замирали, стараясь ничего не пропустить. Меня усаживали на мою маленькую табуреточку и запрещали «канючить».

Я любила эти минуты и после приставала к деду — «ну ведь дядя сказал последние, совсем последние известия. Больше ничего плохого не скажет?»

Так в жизнь вошёл голос Левитана и навсегда остался незаменимым.

...Всё время хотелось есть. Помню очереди за хлебом на улице Цвиллинга, где наш район карточками был прикреплён к маленькому тесному магазинчику. Я помню этот дом напротив старого здания детской

областной больницы. Очередь занимали с ночи, а порядковый номер писали на ладонях синим химическим карандашом. Под утро меня будили и брали с собой. Господи, как было холодно зимой! Но ведь дадут хлебушка, и вдруг окажется маленький довесочек? Какой запах! Довесочек сразу доставался мне. И я по крошечке откусывала, чтобы продлить удовольствие. Другого завтрака не было. «Ничего, погоди, вот кончится война, и хлеб будет продаваться в магазинах».

Я слушала деда и мысленно прикидывала — куплю и съем целую буханку. А остальным хватит, если все будут свободно покупать.

Черныш. Влажный, «клёклый» хлеб военного времени, спасавший, как мог и скольких мог...

Союзники приехали!

1945 год. Люди повеселели, получая обнадеживающие весточки с фронта и слушая торжествующий голос Левитана. Зимы не помню.

А про весну... Про весну 45-го мне рассказала моя подруга Рита Светильникова. Она постарше меня, родилась в Крыму, к началу войны ей было 10 лет, помнит годы немецкой оккупации. И я часто прошу рассказать, как жила её семья в эти годы (у Риты на фронт ушли пятеро братьев). Рассказ об этом — дальше.

«Донна Клара»

А в нашем Чкалове появились пленные немцы. Кажется, в 45-м, может, позже. Они замечали столбы и тянули электропровода на нашей Рыбаковской. Молодые и постарше, но все худые и оборванные. Рядом — конвой, хмурые дяди с оружием. Когда объявлялся перерыв, кто-то играл на губной гармошке, такая лёгкая, навязчивая мелодия. Потом я узнаю её — «Донна Клара», фокстрот, и узнаю, что она сопровождала жертв концлагерей в их последний путь — в газовые камеры.

Но сейчас на нашей улице её наигрывал совсем юный парнишка, и она была такой весёлой. И вообще «фрицы» совсем не были страшными, а какими-то убогими. Взрослые мальчишки смотрели на них с ненавистью — «Звери, скольких людей убили... И моего папку...» Мы днём не закрывали двери на улицу, и однажды, тот, с гармошкой, вошёл и робко встал на пороге — «Мамка, хлеба... хлеба» — голос был жалобным, а глаза умоляли (как он прошёл мимо конвоя?)

Моя бабушка ушла в комнату и вынесла ему кусочек хлеба и варёную картошку.

— Данке, — он схватил еду и побежал к своим. Я возмутилась: «Мама, зачем ты? Фрицу?! Может, он стрелял в наших, в Павлика?!» Не отвечая, она села у окна и долго разглаживала ладонями клеёнку на столе. Потом

подняла на меня глаза: «Где-то и у него есть мать. Поймёшь меня когда-нибудь».

Пельмени и свадьба

Очень хорошо помню 9 мая 1945 года. Под утро рухнул старый деревянный столб, державший электропровода (значит, пленные появятся осенью), разбил окно, возле которого я спала, и осколки засыпали одеяло. Пока все охали-ахали, оцупывали-рассматривали меня, подхватив на руки (я была невредима), кто-то с улицы крикнул — «Включайте радио, По-бе-да!»

Радио, к счастью, работало... Голос Левитана... В дом сбежались соседи — нашли на карте Москву. Плакали, обнимались. Во дворе расставляли столы, открыли ворота, и опять шли соседи, приносили немудрёную снедь... Такого дружного общего ликования я не видела больше никогда...

А потом встречали эшелоны... И на вокзале было всё так, как в кино «Летят журавли»... Потом мы встречали своих родных, знакомых, соседей. И каждый раз счастье «со слезами на глазах» и вопрос — «А моего ты там, на фронте, видел?»

Вернулся мой дядя Павел, Павлик, такой долгожданный...

Очень хорошо помню, как мне велели тихо сидеть на маленькой скамеечке... И говорил Сталин (наверное, с парада Победы), помню глуховатый голос,

помню интонации... И просветлённые лица взрослых... Было это всё, было...

А потом началась мирная жизнь... И я встретилась с папой... Позднее лето сорок пятого. Моя двоюродная сестра Тамара жила у нас и училась в ремесленном училище связи. В один воскресный день она спрашивает:

— Хочешь пельменей?

— А что это такое?

— Это когда мясо завернут в тесто. Ну, очень вкусно!

— Хочу!

— Завяжем бантики и пойдём на свадьбу.

Так я решила, что пельмени бывают только на свадьбе. Старшая сестра взяла меня за ручку. И мы отправились, никому ничего не сказав. Идти было недалеко, по Рыбаковской до её пересечения с Советской. Маленький домик, окна открыты, калитка тоже. На дворе стоит накрытый стол, за ним сидят гости. Какие-то распаренные (как из бани) тётки кричат «Горько!» Дяденьки курят и тоже тянутся к стаканам. Во главе стола — жених в военной гимнастёрке и толстая тётя с белой тряпочкой на голове.

— Невеста, — шепнула мне сестрёнка. — Здравствуйте, дядя Костя, вот Томочку привела.

Я стараюсь быть вежливой и тоже:

— Здравствуйте, дядя Костя!

— Это твой папа, ты что?!

Где ж мне его узнать? Я видела его один раз после возвращения

с фронта, он забежал на один вечер. И на предложение бабули пожить, привыкнуть к дочке, ответил, что раз Тани (мамы моей) нет, девочке будет лучше не с ним...

Он был очень молод, этот высокий кудрявый мужчина, ему хотелось вернуть свою юность, свободу, и он не был готов быть отцом довольно взрослой (5 лет) дочки.

Это я понимаю сейчас, а тогда...

— А, дочка... — он казался смущённым и почему-то не пошёл. Зато какая-то сморщенная, старенькая бабушка бросилась меня обнимать, заливаясь слезами: «Сиротка ты наша...»

Но от неё я увернулась и решила идти к цели:

— А где пельмени?

Нас усадили за стол, чем-то угощали, но скоро вернулись к песням и крикам. Папа целовал невесту (её звали Тася), хотя я была уверена, что лучше поцеловать меня. А пельмени закончились. Мне стало скучно, и я потянула сестру домой, где не бывает чужих, где все меня любят. Да и невеста мне не понравилась... А с папой мы так и не стали родными людьми. И это тоже война...

* * *

Я живу рядом с вокзалом. Куда бы я ни шла, я прохожу (или проезжаю) мимо улицы моего детства. Иногда я специально иду на свидание с этим

детством, тогда «оживают» все, кого я знала, и кто знал меня. Вот в этом двухэтажном доме жил Герой Советского Союза Климов, создавший школу юных космонавтов. Почему же нет памятной доски? А на углу Саратовского переулка жил с семьёй Тимофей Данилович Чайчук, один из первых с нашей улицы вернувшийся с войны, весь в орденах (он работал в облвоенкомате). И с дочками Климова, и с сыном Чайчуков я училась в школе. Вот и дом моих стариков, соседки тёти Клавды Емелиной (мамы Коли и Толи)...

Все ушли. Давно... Улица живёт своей жизнью, я никого уже не знаю. Исчез даже огромный серый камень (ушёл в землю) на углу Маяковского переулка. Об этом камне помнит ещё один человек, давно уехавший далеко...

Но меня иногда так тянет к этим воспоминаниям. А сегодня я поделилась ими со всеми вами.

ЕЁ ВОЕННЫЙ КРЫМ

(В соавторстве с Еленой Бойко)

Рите до сих пор снится Крым — ещё тот: Французский дворец, аллея огромного парка, переходящего в лес, окружающий ещё один дворец, графа Милотина...

Родительский дом стоял на окраине Алупки. Рядом — море,

неумолчно шумящее днём и ночью. Кипарисы и пальмы, цветущая магнолия, много-много роз. Вдоль Севастопольского шоссе до сих пор стоят кипарисы, посаженные отцом нашей героини — Фёдором Никитичем Светильниковым. У него богатейшая биография: участник Русско-японской войны, сражался под Мукденом, там же попал в плен, где провёл полгода до заключения Портсмутского мира. Потом вернулся в свою деревню в Брянской области и в 1906 году женился на Елизавете Ивановне Чикиризовой. Вскоре после свадьбы молодые отправились в Ялту, где Фёдор Никитич ещё мальчиком работал садовником у графа Орлова. Здесь у семьи родилось пять сыновей. А во время страшного голода в 1931 году появился последний ребёнок, дочка Маргарита, о которой пойдёт наш рассказ.

Родители работали в доме отдыха ОГПУ, захваченном имении графа Позизовского. Оно находилось между Форосом и курортным посёлком Симеиз. С 1934 года семья обосновалась в Алупке, в доме, где до революции располагалась служба князя Трубецкого. Ему же принадлежали земли, примыкавшие к Алупке. К началу войны старшие братья работали самостоятельно, а Маргарита Светильникова 1 сентября 1939 года пошла в первый класс.

М.Ф. Светильникова:

22 июня 1941 года, воскресенье. В два часа дня включили радио, и из выступления Молотова узнали о начале войны. А в то раннее утро папа ходил проверять виноградник и слышал отдалённый оружейный гул. Это рвались бомбы в Севастополе. Немцы начали бомбардировку с воздуха.

Вокруг нас были военные санатории. 22 июня они обезлюдели. Все устремились на фронт. Мы, жители, были совершенно уверены — это ненадолго, и мы победим. Даже после речи Сталина, прозвучавшей третьего июля, когда люди внимательно слушали сводки, все думали, что неудачи носят временный характер и вот-вот настанет перелом. Истинная тревога началась в конце августа — начале сентября, когда немцы окружили Одессу и приблизились к Крымскому перешейку.

Наш маленький город начал готовиться к работе и боям в тылу. Взрослые изучали тактику партизанской борьбы. Учащиеся восьмых-девятых классов не оставались в стороне. Младший брат Борис с 16 лет вступил в истребительный батальон. Эти ребята шли добровольцами в армию. Их отправили в Симферополь, а когда бои начались на Перекопе, их, необстрелянных (одна винтовка на десять человек, а гранатами они пользоваться ещё не умели), одним осенним

Рита Светильникова. 1969 год

утром окружили и забрали в плен. Борис служил в одной роте с земляком из Алупки, кадровым военным, который хорошо знал местность и научил брата идти в украинское село, расположенное поблизости — там немцы молодёжь ещё не трогали. Брат назвался украинской фамилией, и его отпустили домой. Пришёл пешком — оборванный, исхудавший, а нам надо было его прятать, чтобы немцы его не забрали.

Бургомистром Алупки немцы назначили русского жителя Вовченко (потом его расстреляют за связь с партизанами), отец достал немецкий аусвайс, и пока брата оставили в покое. Чтобы помочь семье, Борис

*подрабатывал, где только пред-
ставлялась возможность...*

Немцы высадили на востоке Крыма, в районе Керчи и Феодосии, сорок тысяч солдат 51-й и 44-й армий. Советские войска пытались заблокировать вход в этот регион в Крым, захватив Перекоп. Это контрнаступление Красной армии потерпело неудачу, но задержало решающий удар немцев по Севастополю. В ноябре немцы вошли в Ялту и Алупку. На Севастополь они пошли другой дорогой, через Бахчисарай, высадив десант и разъединив нашу армию.

Солдаты с обеих сторон дрались очень ожесточённо в этих сражениях, и вскоре все были крайне измотаны. Один немецкий солдат позже писал: *«...у нас почти не было времени на отдых, мы совсем не спали, во время переходов люди часто теряли сознание прямо в строю от усталости. Особенно страшно было на посту. Я могу сказать, что лично знал тех, кого действительно расстреляли за то, что они на минуточку заснули на посту»*.

А вот, что вспоминает Маргарита Фёдоровна: *«...наши отступающие части производили жуткое впечатление: разбитая техника, брошенные танки, умирающие лошади, раненые и убитые солдаты со звёздочками на пилотках»*.

Только в мае немцы взяли Феодосию. Через неделю захватили

Керчь. Крым давался им тяжелейшими усилиями. Все жители попрятались по домам. Немцы занимали курортные городки, их мощная техника подавляла любое сопротивление.

Среди первых они вывели приказ о том, чтобы евреи нашили на одежду шестиконечные звёзды, а списки коммунистов стали им известны в первые часы. На третьи сутки в дом вошли три огромных немца и, щёлкая автоматами, забрали минеральную воду. Их удивило имя девочки: Маргарита, Гретхен...

Через несколько дней появились объявления с отпечатанным приказом: евреям собраться в сборном пункте на площади, взяв необходимое и драгоценные вещи. В декабре их отвезли в Ялту и расстреляли во рву под городом. Местные жители рассказывали, что земля ещё долго поднималась. Одному мальчику удалось спастись, его спрятали жители Мисхора, и он сидел в погребке до конца войны, а ведь люди рисковали собственными жизнями.

Мы не могли понять: почему отступают наши? Нам коротко отвечали: «Так нужно». Но некоторые сообразили и пытались эвакуироваться из Ялты морем, но ни один крейсер не спасся. Уцелевших брали в плен, где им достались все круги ада.

Одним из таких людей был моряк Николай Богданов — выносливый и смелый, он прыгнул в море и подхватил маленькую

девочку, семья которой погибла у него на глазах. Три километра он плыл с этой девочкой на спине при беспокойном море, сумел разыскать на берегу родственников девочки, а сам свалился с воспалением лёгких. Немцы нашли его и взяли в плен, в концлагере к морякам относились с особой жестокостью, но он сумел сбежать. Его поймали: снова плен, пытки и — новый побег. Когда пришла наша армия, то Богданов был оболган, проходил проверку в системе НКВД, и только через много лет люди узнали подвиг этого героя.

Когда Рита с подружками освоилась, то как-то пошла в подвал дворца Милютина. Там было много книг, учебников. Она самостоятельно изучила программу 3-4 классов. После освобождения Крыма девочка сдала экзамен в 5 класс.

М.Ф. Светильникова:

— У нас в Алушке была семья Гавыриных. Мать и двое сыновей, отец ушёл на фронт. Перед самой войной мать уехала к кому-то в гости и не смогла вернуться, мальчики остались одни. У них был радиоприёмник, который они не сдали, и они слушали передачи о боях под Москвой, рассказывая об этом друзьям. Их арестовали, собрали население в центре города и повесили мальчишек за сопротивление немецкому порядку.

Январь-февраль 1942 года. Тяжелейшие бои под Севастополем, гул стоял такой, что в Алушке земля содрогалась, небо покрыто тучами самолётов, которые летели на Севастополь. Наступил июнь, идёт артобстрел города, штурм, но только 13 июня немцы смогли войти в Севастополь, после исключительно упорного сопротивления его защитников. Бои в городе продолжались весь июнь, Севастополь пал лишь 3 июля после 250 дней блокады. Только под Севастополем мы потеряли 110 000 человек. Мирные жители остались во власти врага. В городе сохранились только здания банка и церкви, всё остальное было разрушено. Сразу же немцы провели вторую акцию уничтожения евреев. Они объявили, что в тех семьях, где смешанные браки, родители обязаны выдать своих детей, чтобы самим остаться живыми. Только одна женщина пошла на это, остальные матери прятали детей, как могли, но немцы многих находили и уничтожали. Жители самоотверженно помогали этим отчаявшимся матерям. Были и предатели — нелюди, перебежавшие на сторону немцев.

Маргарита Фёдоровна рассказывает о некоем Гомонове, ушедшем в леса вместе с партизанами. Он потом вернулся к немцам и выдал весь партизанский

отряд, людей повесили в центре Ялты, там, где сейчас Аллея славы. Предатель не ушёл от возмездия, уже в 1944 году, когда город освобождали от румын, он пытался к ним пристроиться, хвастаясь своим предательством.

Потом его повесили жители — предателей нигде не прощали.

В 1942 году немцы арестовали детского хирурга Милевского, всем известного и уважаемого человека, спасшего жизнь многим из ялтинской детворы. Он был женат на еврейке, и было им более семидесяти лет. Ему предложили жизнь, если он сдаст свою жену, он предпочёл расстрел. Их похоронили вместе, и сейчас на этом месте стоит памятник «Чёрный бугор». Поставлен памятник в Ялте и братьям Гавыриным.

Маргарита Фёдоровна вспоминает трагедию ещё одной семьи — крымских татар. Там было два сына: один советский лётчик, дважды Герой Советского Союза — Султан Ахмет-хан. Второй сын оказался в немецкой армии. Когда наши освобождали Ялту в апреле 1944 года, они выслали семью предателей, эту семью не тронули из-за сына-героя. На родине лётчику должны были поставить бюст как дважды Герою Советского Союза, а брат был уже в советском лагере, и памятник убрали — из-за предательства брата. Памятник восстановят через много лет, когда лётчик-испытатель Султан погибнет в 70-е годы.

М.Ф. Светильникова:

— Зимой 1942 года, когда под Севастополем шли бои, мы с подружкой отправились в лес, в заросли можжевельника. Немцы располагались у моря, в санаториях были открыты их госпитали — а мы с подружкой ничего не боялись. Жажда риска, любопытство толкали разведать ситуацию вокруг родного города. По слухам мы знали, что где-то, у Кара-Дата, возможно, находятся партизаны.

Забравшись вглубь можжевельника, мы встретили незнакомца. Он спросил о немцах, ему объяснили, что жандармерия немцев в одном крымском санатории, полиция — в другом, он повернулся и ушёл. Может быть, он был из тех частей Красной армии, которые летом 1942 года после падения Севастополя ушли в леса. А накануне к нам приходил полицейский и спрашивал, не заходил ли никто подозрительный. Только он ушёл, папа отправился за зеленью для кроликов и встретил мужчину, одетого в полусолдатскую, полугражданскую одежду. Его тоже интересовали немцы, спросил у папы: «А вы можете узнать, в каких санаториях находятся немцы?»

Папа ответил: «Мы боимся провокаторов». Через некоторое время к нам пришёл другой мужчина, видимо, связной, а я увидела, как во двор зашёл полицейский. Мы спрятали мужчину в постель и сказали, что у него

дизентерия. Полицай был из местных (иногда они спасали еврейские семьи, разные были люди), этот засомневался по поводу нашего больного, но ушёл. Через два дня он навёдался к нам, но партизан успел уйти, а мы объявили его жителем татарской деревни.

В оккупации простые жители бросались на помощь друг другу, делились последним куском хлеба. 25 декабря 1941 года мы с мамой пошли в Ялту к её брату, там он попал в плен, был ранен, просил помощи, был помещён в лагерь военнопленных. Мы шли 16 километров пешком, принесли сухарей — маленькую передачку, обратно тоже шли пешком. Немец на телеге вызвал нас подвезти от Ялты до Гаспры, а от Гаспры мы должны спуститься через мост к Кореизу. Подошли: пьяный немец стреляет в прохожих из пистолета: ранит, пугает. Мы выждали, когда он перезаряжал оружие, и в эту паузу перебежали через мост...

Зима 1942 года была очень холодная, мама решила идти в татарское местечко, чтобы обменять вещи на продукты. Нам предстоял путь километров в десять к Кикинису (или Голубому заливу). Когда мы преодолели

поворот, мы увидели двоих повешенных мужчин, они были в гражданском.

В местечке нас приняли хорошо, эти люди раньше работали с моими родителями. Нас накормили, но с собой ничего дать не могли. Старший сын Бакир сказал, что двое повешенных — это связанные партизан.

После поражения под Сталинградом в Крыму оставалось мало немецких частей. Их заменили румыны. Они грабили местное население, отнимая последнее. Однажды ночью они ворвались в дом, и, угрожая оружием, увели маленькую козочку — последнюю надежду семьи на ближайшее время. Мама от испуга потеряла голос. Но страшнее румын была кавказская Дикая дивизия (чеченцы, ингуши, грузины, карачаевцы). И хотя в Алушке они стояли

Крым. Освобождённый от фашистов Севастополь.

недолго, три-четыре дня, мы все прятались по подвалам. Они стреляли во всех проходящих людей. Потом их перебросили в Севастополь, когда к нему подходили наши части. С декабря 1943 — начала 1944 года было видно, что у немцев дела плохи. И румыны мягче стали относиться к местному населению. Заходили, разговаривали, говорили, что сдадутся в плен и не будут сопротивляться...

Старший брат Василий пропал без вести. У Константина была броня, он был главным инженером на заводе «Амурсталь» в Комсомольске-на-Амуре. Виталий — лётчик, ранен в бою, умер в госпитале, похоронен в Москве, на Преображенском кладбище. Фёдор служил в войсках НКВД. Бориса мы оставили в 41-м году...

В боях под Севастополем смешались все народы Советского Союза: в речках вода была тёмной от крови, всюду трупы. Когда в 1948 году я ехала через Севастополь, то были видны руины, люди жили в землянках.

Ялтинская конференция

Зимой 1944 года в Алупку пришли советские военные части и стали устанавливать зенитки. Теперь это были современные войска: новые машины — «студебеккеры», «шевроле», орудия с прицепами.

Стали готовиться к Ялтинской конференции. В саду Воронцовского дворца перед бассейном — зенитки. Шла разведка настроений населения. Фёдора Никитича в 1945 году пригласили в Воронцовский дворец, чтобы восстановить Зимний сад. За работу он получил один килограмм колбасы, банку сухого молока и американский плавленый сыр (Маргарита Фёдоровна любит этот сорт сыра до сих пор). За несколько дней до конференции по домам разнесли повестки, чтобы жители удалились в соседние сёла. Высылали взрослых. Отец был стар — его оставили.

Черчилль жил в Воронцовском дворце, здание специально отреставрировали в английском стиле. Вся английская миссия размещалась в уцелевших санаториях. Здания санаториев — это виллы знати дореволюционных времён. Сталин жил в Кореизе — в Юсуповском дворце, Рузвельт — в Ливадийском.

Занятия в школе прерывать не стали, но ученики должны были ходить туда по определённому маршруту, чтобы не загружать шоссейную дорогу. С обходного пути шоссе просматривалось, и дети могли видеть проезжающие английские «виллисы». Однажды англичане подъехали совсем близко к школе, стали разбрасывать конфеты, дети стали их подбирать. Англичане всё это фотографировали.

А вокруг Воронцовского дворца в феврале расцветало много

подснежников, и мы с подружкой решили отправиться за ними, хотя всех предупреждали, что приближаться к Ливадийскому и Воронцовскому дворцам запрещено. Воронцовский дворец хорошо охранялся: при любом подозрительном движении солдаты имели право стрелять на поражение. Вокруг стен дворца росли густые кустарники: олеандр, лавр, самшит. Рядом место старожилы называли Хаосом: нагромождение скал, там проходили маленькие тропинки, лесопарк, куда дети ходили рвать фиалки и крокусы.

М.Ф. Светильникова:

— *Задняя стена дворца (она была невысокой, на ней росли кустарники) упиралась в пригорок, за которым начинались камни, скалы. С этой стороны подобраться к полянам дворца было почти невозможно. Жителей ближайших домов на время проведения конференции отселили. Но две непослушные девочки полезли через камни и остатки скал к кустам самшита (а они густые) на задней стене Воронцовского дворца и через них можно кое-что увидеть. Со стороны Ливадийского дворца к воротам пошёл поток машин, — мы притаились.*

Сначала вышла охрана, а потом — плотный мужчина, что-то сказал охране и вошёл во дворец через боковой вход. Машина марки «виллис», охрана

— на мотоциклах. Позже в газете я увидела фото этого мужчины и узнала в нём Уинстона Черчилля — английского премьер-министра, прибывшего на Ялтинскую конференцию. Конечно, нас обнаружила охрана, двух испуганных девчонок с цветами. Но, пожалев, отпустила, строго предупредив никому ничего не рассказывать.

Когда всё стихло, мы ползком пробирались между скалами. Дома о том, что случилось, никому не рассказали.

В 1948 году Маргарита Фёдоровна пыталась поступить в медицинский институт, её не приняли из-за того, что во время войны находилась на оккупированной территории. В 1950 году она без труда поступает в Симферопольский педагогический институт, на непопулярное тогда отделение немецкого языка. Училась отлично.

Вскоре вышла замуж за офицера запаса Советской армии, он работал переводчиком. В мае 1953 года мужа вызвали в военкомат в ответ на его заявление о желании работать в разведке. Примерно в это же время Маргарита Фёдоровна получила письмо из местного отдела НКВД.

М.Ф. Светильникова:

— *В письме приглашали на собеседование, на месте попросили заполнить анкету и спросили, как я отношусь к*

работе за границей. Вскоре мужа пригласили в Москву, а я летом 1954 года поехала к его родителям в Алма-Ату. В это время я ждала ребёнка, родившуюся дочку пришлось оставить у родителей. Сама отправилась в Москву, где училась быть связной. Мужа отправили в Германию, он должен был отрабатывать легенду. Затем в Германию направили меня, потом в Австрию под видом перемещённого лица из Чехословакии. Но обстоятельства сложились так, что из Германии мы вынуждены были уехать. Вернулись в Москву.

После Москвы в 1956 году мы вернулись в Алма-Ату, стали искать место работы. Заявления направили во все университеты, откликнулся Читинский педагогический институт. В Чите суровый

климат: постоянный ветер, крепкие морозы. Через два года переехали в Махачкалу, где до 1961 года работали в университете. В 1961 году переехали в Оренбург, с февраля работала старшим преподавателем на кафедре немецкого языка.

И вся моя оставшаяся жизнь связана с Оренбургом. Мои ученики работают во всех школах области, а самые лучшие — в её вузах. Выросла дочь. Два уже взрослых внука, правнуки... Так хочется, чтобы у них не было воспоминаний о войне.

А мне как прежде снится Крым. Я навестила его год назад. Родительский дом, где с семьёй живёт младший брат (моя дочь очень любит туда приезжать). Но... страна иная. Ушли бывшие друзья. Запущены парки... Но это уже другая история...